

Научная статья
УДК 930

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1443-1457>

От идеологического однообразия к тематическому многообразию. Некоторые рассуждения о современной историографии новой экономической политики

Виктор Васильевич Никулин

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
viktor.nikulin@mail.ru

Актуальность. Анализ современной историографии нэпа позволяет оценить состояние исследований по данной научной тематике, выявить сильные и слабые стороны историографического процесса, определить перспективные направления исследований. Полагаем, что проведенный анализ в целом поможет актуализировать авторский научный поиск.

Материалы и методы. В основе методологического подхода к анализу литературы ввиду наличия обширнейшей по количеству публикаций, что делает практически невозможным детальный историографический анализ, положен селективный метод, когда анализируются наиболее авторитетные публикации, оценки и выводы которых определили ракурс последующих исследований. Второй метод – акцентирование внимания на специфические исследовательские направления, которые отчетливо проявляются в современном историографическом процессе.

Результаты исследования. Современная историография нэпа обширна как по тематическому разнообразию, так и степени изученности исследовательских вопросов. Процесс изучения продолжается, нэповская тематика далеко не исчерпана и остается привлекательной для исследователей. Исследовательский процесс становится методологически многоплановым, по источникам более многомерным, по содержанию междисциплинарным. Результатом современного историографического процесса можно считать формирование более реальной позиции в оценке исторической модели нэпа со всеми ее элементами.

Выводы. Результаты изучения позволяют дать реалистическую картину состояния современного историографического процесса, выявить новые методологические подходы к изучению проблем нэпа, расширить тематическое многообразие и обратить внимание на имеющие проблемы в данном историографическом сегменте.

Ключевые слова: нэп, историография, методология, регион, исследования, проблематика, процесс

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Никулин В.В. От идеологического однообразия к тематическому многообразию. Некоторые рассуждения о современной историографии новой экономической политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 5. С. 1443-1457. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1443-1457>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1443-1457>

From ideological uniformity to thematic diversity. Some reflections on the modern historiography of the New Economic Policy

Viktor V. Nikulin

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov, 392000, Russian Federation
viktor.nikulin@mail.ru

Importance. Analysis of modern historiography of the New Economic Policy makes it possible to assess the state of research on this science topic, identify the strengths and weaknesses of the historiographic process, and define promising areas of research. It is believed that the conducted analysis will help young researchers update their original scientific research.

Materials and Methods. The methodological approach to the analysis of literature, due to the presence of a vast number of publications, which makes a detailed historiographic analysis almost impossible, is based on a selection method, when the most authoritative publications are analysed, the assessments and conclusions of which have determined the angle of subsequent research. The second method is to focus on specific research areas that are clearly manifested in the modern historiographic process.

Results and Discussion. Modern historiography of the New Economic Policy is extensive both in thematic diversity and the degree of study of research issues. The study process continues; the New Economic Policy topics are far from exhausted and remain attractive to researchers. The research process becomes methodologically multifaceted, more multidimensional in terms of sources, and interdisciplinary in content. The result of the modern historiographic process can be considered the development of a more realistic position in assessing the historical model of the New Economic Policy with all its elements.

Conclusion. The results of the study make it possible to give a realistic picture of the state of the modern historiographic process, identify new methodological approaches to the study of the New Economic Policy problems, expand the thematic diversity and pay attention to the problems in this historiographic segment.

Keywords: New Economic Policy, historiography, methodology, region, studies, research issues, process

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Nikulin, V.V. (2024). From ideological uniformity to thematic diversity. Some reflections on the modern historiography of the New Economic Policy. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 29, no. 5, pp. 1443-1457. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-5-1443-1457>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Современная историография нэпа на сегодняшний день представлена обширным кругом разнообразной литературы, различной как по тематике, так по качественным характеристикам. По историческим меркам период нэпа был непродолжительным, меньше десяти лет, но нет другого периода советской истории, о котором было бы написано больше, чем о нэпе. Казалось бы, все вопросы решены, и проблема в исследовательском плане закрыта. Но в том-то и состоит особенность исследовательского процесса, что он никогда не останавливается, открываются новые факты, совершенствуется методология научных исследований, обогащается исследовательский инструментарий. И на сегодняшний день остается немало вопросов, еще не нашедших однозначного решения и требующих дальнейшего научного поиска. Вся историографическая история нэпа свидетельствует о сложности многих вопросов и невозможности категорической однозначности в оценках многих аспектов нэпа. Сейчас крайне необходимо подвести определенные итоги изучения проблем нэпа и актуализировать исследовательский потенциал, что мы и попытаемся сделать.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материальными источниками для изучения данной научной проблемы послужила совокупность публикаций, посвященных нэповской тематике. Поскольку к настоящему времени сложилась настолько обширная историография нэпа, что провести детальный историографический анализ невозможно, полагаем, что оптимальным методом в нашем случае является компактный обзор с акцентированием внимания на наиболее авторитетных публикациях, которые задали тон, да и сейчас во многом задают тон современному научному поиску, оценки и выводы которых определили ракурсы последующих исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

История современной историографии нэпа берет свое начало с конца 1980-х гг. Ее предшественниками можно считать появившиеся в те годы в литературно-художественных и общественно-политических изданиях ряд публикаций, в которых впервые ставится под сомнение советская версия причин перехода к нэпу и ее сущности. Содержательная сторона данных публикаций в научном плане была несущественной, они отличались разноречивым характером, публицистической резкостью оценок и основывались на давно известных в западной историографии теориях¹. Своеобразной перестроечной хрестоматией стал ряд сборников статей, включавших в себя публикации по наиболее острым вопросам отечественной истории, экономической истории, исторической социологии, социальной политике, вызвавшие широкий общественный интерес². Публикации «перестроечного» периода стали тем импульсом, который привел к началу активного исследовательского процесса пересмотра старых догм и стереотипов в трактовках советской истории, в том числе и нэпа. Состояние исторической науки на рубеже 1980–1990-х гг. было весьма затруднительным, если не критическим. Это состояние со-размерно охарактеризовал историк В.А. Козлов, отметив, что в этот период история со-

---

¹ Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 162-189; Лацис О. Нэп – цивилизационный аспект // Свободная мысль. 1991. № 18; Шмелев Г. Перед поворотом // Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 55-66; Сироткин В. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 370-391; Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11; Ханин Г.И. Почему и когда погиб нэп? // ЭКО. 1989. № 10. С. 66-83.

² Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. 680 с.; Постигение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М.: Прогресс, 1989. 592 с.; Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. 512 с.; Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989. 494 с.; Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М.: Политиздат, 1991. 272 с.

ветского общества «получила искусственное дыхание от общественной мысли в целом, но еще в полной мере не дышит своими собственными легкими»³. Историографическая действительность была такова, что на тот период полностью отсутствовали научные работы, свободные от советского идеологического синдрома, в совокупности с отсутствием полноценной источниковой базы (рассекречивание архивных документов началось в 1992 г. и интенсивно продолжалось до середины 2000-х гг.). Историческая действительность начиная с 1930-х и вплоть до середины 1980-х гг. подвергалась жесткой идеологической цензуре, и искажение реальной действительности приобрело настолько иррациональный характер, что даже в 1920-е гг. «во многих вопросах мы писали правдивее, потому что потом не давал такой возможности культ личности»⁴. Эта характеристика состояния советской исторической науки, данная заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории» Э.Н. Бурджаловым еще в 1956 г., справедлива с определенными оговорками и для последующих лет.

Постперестроечный период отмечен в историографии как время повсеместного увлечения нэповской тематикой. В многочисленных монографиях, диссертациях, статьях пытались найти ответы на возникающие вопросы формирующейся в России рыночной модели экономики. Основное внимание сосредотачивалось на поиске позитивных элементов нэпа и возможности их применения к российской действительности. Активность в исследовании нэпа постепенно начала снижаться в начале 2000-х гг., когда формирующаяся российская экономическая система стала проявлять признаки устойчивости, и стало ясно, что в нэповских формах организации экономики и в методах ее государственного регулирования по большому счету

найти что-либо реально приемлемое весьма затруднительно. К настоящему времени проблема нэпа перешла из формата повышенного исследовательского внимания в формат одной из научно-исследовательских тем советского периода российской истории, которой последовательно занимаются представители различных научных направлений. Тема во многом утратила политизированный характер, что, безусловно, является положительным явлением, поскольку в значительной степени способствует устранению из исследований субъективности. Начало этому процессу положили публикации российских историков, которые взяли на себя инициативу рассмотрения нэпа не с точки зрения идеологии, что было присуще советской историографии, а с точки зрения объективного научного анализа⁵.

Конечно, в первых публикациях еще заметно влияние советского историографического наследия, что вполне понятно, процесс накопления исследовательского материала только начинался. Отсюда, в публикациях первой половины 1990-х гг. весьма заметна идеализация нэпа и ее результатов. Следствием стало возникновение довольно спорного суждения о нэпе как реальном альтернативном пути построения социализма. Одновременно созревала и другая точка зрения, основанная на реалистическом подходе к оценке нэпа. В ряде публикаций уже отчетливо просматриваются идеи, которые впоследствии материализовались в современную концепцию нэпа: невозможность нэпа как альтернативного пути развития; отказ от нэ-

³ «Круглый стол» советских и американских историков // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 101.

⁴ Доклад Э.Н. Бурджалова о состоянии советской исторической науки и работе журнала «Вопросы истории» (19–20 июня 1956, г. Ленинград) // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 125.

⁵ Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба // Историки спорят: тринадцать бесед. М., 1988; Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990; Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 20-39; Лельчук В.С. Выбор путей и методов строительства социализма // Историки спорят: тринадцать бесед. М., 1988; Горинов М.М. Советская страна в конце 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 31-47; Павлюченков С.А. С чего начинался нэп? // Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. М.: Политиздат, 1991. С. 45-60.

па был неизбежен, поскольку присутствие частного капитала в экономике противоречило государственной мировоззренческой концепции; нэп не существовал как целостная, системная концепция, а представлял собой набор определенных средств и методов реагирования на политические и экономические проблемы. Наконец, был сформулирован четкий исследовательский посыл – существующие научные проблемы в рамках сложившихся исследовательских подходов решить невозможно. Конструктивным исследовательский процесс может быть только при изучении всего комплекса факторов, определявших мотивы действий власти и непосредственным образом влиявших на состояние общественного здоровья [1].

Идеи, определившие в основных чертах новую философию нэпа, положили начало периоду активного изучения нэпа с новых мировоззренческих и методологических позиций, которые отчетливо обозначились с середины 1990-х гг. и прослеживаются до середины 2000-х гг. Хотя, по нашему мнению, историографические периоды – достаточно условная категория по причине аморфности критериев, определяющих их качественные характеристики. Условно мы выделяем период с середины 1990-х до середины 2000-х гг., поскольку он характерен количественным, качественным ростом исследований, а также диверсификацией нэповской тематики. Количественный и качественный рост проявлялся в увеличении количества опубликованных монографий и серьезных статей, которые содержали аргументированные гипотезы, обоснованные выводы и ставились проблемные вопросы. Диверсификация выразилась в расширении тематики исследований, в орбиту исследований вовлекаются все новые сюжеты. Отличительная черта этого периода – изучение содержательно-практических сторон нэпа с позиции социально-политической истории, выявление реальных проявлений в политической, экономической, социальной, юридической, бытовой сферах. Это время окончательного освобождения науки от идеологи-

ческих догм прошлого на основе накопления исторического знания и вовлечения в научный оборот новых источников, выработки современных методологических подходов к изучению исторических проблем. Итогом можно считать появление ряда публикаций⁶, в которых в концентрированном виде сформулированы основные достижения данного исследовательского периода [2–5].

Еще один период, опять же условно, определяется нами с середины 2000-х гг. до настоящего времени. Ажиотаж спал, исследования перешли в режим повседневности, если не считать 100-летнего юбилея нэпа, отмеченного всплеском внимания к нэповской тематике. Прошли юбилейные конференции, круглые столы, на которых были подведены определенные научные итоги⁷. В повседневном режиме продолжают выходить монографии, проводятся конференции, защищаются диссертации, активно разрабатывается региональная тематика. В данном аспекте необходимо отдельно сказать об исследованиях историков Центрально-Черноземного региона, которые вносят свой вклад в изучение проблем нэпа, в частности, в изучение проблемы взаимоотношений государства и крестьянства в рамках реализации нэпа. Историками региона проделана значительная работа по исследованию различных сторон нэповской действительности. Значимость работ региональных исследователей

---

⁶ *Дмитренко В.П.* Советская модель социализма // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С. 533-547; *Цакунов С.В.* В лабиринте доктрины: из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е гг. М., 1994. 186 с.; *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского нэпа. М., 1996. 298 с.

⁷ Новая экономическая политика и социалистические практики XXI в. (к 100-летию нэпа): Междунар. науч. конф. М., 2021; К 100-летию введения новой экономической политики в Советской России: Междунар. науч. конф. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021; Великие экономисты и великие реформы. Новая экономическая политика для новой России (к 100-летию нэпа и Госплана): 10 Междунар. науч.-практ. конф. М.: Фин. ун-т при Правительстве РФ, 2021; 100 лет новой экономической политике и социалистический рынок: история и современность: науч. конф. М.: Ин-т экономики Рос. акад. наук, 2021.

измеряется, прежде всего, тем, что в них рассматриваются вопросы реализации новой экономической политики на материалах региона, в которых в концентрированном виде проявлялись характерные черты взаимоотношений государства и крестьян. Центральное Черноземье – это исконный земледельческий район, в котором изначально присутствовали традиционные для российского земледельческого уклада условия жизни и производственной деятельности. К тому же относительная близость региона к центру власти, столице и его значимость как продовольственного государственного ресурса гарантировали повышенное внимание власти и тщательность проведения в жизнь решений центра в ходе проведения различных кампаний. Другие земледельческие районы (Северный Кавказ, Сибирь, Украина) имели в этом аспекте свою региональную специфику (удаленность от центра, особенность социально-экономического уклада, своеобразная социальная структура и т. п.), дававшие им преимущества, конечно, достаточно условные в плане проведения более специфической аграрной политики.

Тематика нэпа является традиционной для ученых Центрального Черноземья, и если говорить об истоках современного полхода к ее пониманию и специфике протекания в регионе, то их следует все-таки отнести к советскому периоду, к 60–70 гг. прошлого столетия. Да, работы этого периода следовали жесткой идеологической схеме, другое было просто невозможно. Основное внимание сосредоточивалось на анализе узловых проблем советской историографии – восстановление промышленности, индустриализация и коллективизация сельского хозяйства⁸. Рабо-

ты именно в эти годы исследования стали приобретать более разноплановый характер и представлены были диссертациями, монографиями и статьями со свойственной для того периода историко-партийной тематикой. Подобная историческая конфигурация являлась типичной для советской историографии и основалась на трактовке нэпа исключительно как экономической политики. Все остальные нэповские элементы если не игнорировались полностью, то рассматривались фрагментарно и узко сюжетно. Исследовательский процесс шел, накапливались факты, начали формироваться основы периодизации нэпа, проявляться новые тематические и сюжетные направления, утверждался понятийный аппарат, которым пользуются до сих пор, выявляются специфические особенности региона и процессов, протекавших в нем.

Процесс интенсивного изучения процессов, происходивших в Центральном Черноземье в 1920-е гг. на новой источниковой и методологической основе, начался в 1990-е гг. На сегодняшний день работы исследователей охватывают значительный комплекс вопросов, связанных с реализацией новой экономической политики в регионе. Самую представительную группу составляют работы⁹, в которых освещаются проблемы, связанные с процессами, происходившими в черноземной деревне [6; 7]. Это и понятно, учитывая аграрную специфику Центрального Черноземья. Именно здесь отношения крестьянства и власти достигли предельной остроты, что вылилось в конечном итоге в крестьянскую войну, оказавшую значительное влияние на решение о переходе к нэпу. Как следствие повышенный интерес к тамбовскому восста-

⁸ *Логунов В.И.* КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. 1921–1927 гг. Воронеж, 1970. 294 с.; *Полунина Л.В.* Переход к новой экономической политике в деревне Центрального Черноземья (1921–1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 315 с.; *Есиков С.А.* Деятельность Коммунистической партии по регулированию социально-экономических процессов в деревне в 1921–1925 гг.: по материалам Центрального Черноземья: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 243 с.; *Шарова П.Н.* Коллективиза-

ция сельского хозяйства в Центрально-Черноземной области. 1928–1932 гг. М., 1963. 288 с.

⁹ *Скрытников А.В.* Российская деревня в условиях нэпа: тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития: на материалах областей Центрального Черноземья: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 437 с.; *Гончарова И.В.* Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928–1932 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 522 с.

нию, которому посвящены многочисленные публикации самого разнообразного характера, в том числе и сборники документов и материалов [8–10]. Публикации, основанные на ставшем доступным источниковом материале, привели к радикальному пересмотру советской версии причин восстания и его последствий.

С середины 1990 г. заметным становится проявление нового качества регионально-историографического процесса – расширение тематики исследований, что являлось отражением общей тенденции расширения тематического многообразия исследований и углубления теоретических обобщений. Объектом изучения региональных исследователей становятся новые сюжеты и стороны нэповской действительности [11; 12], которые ранее вообще не являлись предметом исследовательского внимания или рассматривались в минимальной степени¹⁰. Тем не менее, отметим, что эта тенденция на фоне общероссийского историографического процесса проявляется в меньшей степени, и именно здесь имеются достаточно значительные исследовательские возможности, прежде всего, для молодых ученых. При этом необходимо обратить внимание на замедленность темпа протекания многих нэповских социально-экономических процессов в Центральном Черноземье, что предопределяло наличие конкретной региональной специфики реализации нэповских новаций в различных социально-экономических сферах. Такой подход, по нашему мнению, усилит потенциал региональной исторической науки в изучении проблем нэпа. Тенденции и проблемы, характерные для региональной историографии

нэпа, по своей сути идентичны общим проблемам отечественной историографии, поэтому рассмотрим их в общероссийском контексте.

Сущность эволюции современного историографического процесса состоит, прежде всего, в более широком использовании интегрального метода изучения новой экономической политики, под которым понимается изучение нэпа как целостной социально-экономической модели развития страны на определенном историческом этапе, совокупность всех ее проявлений в социально-экономической и общественной жизни. Этот процесс сопряжен с дальнейшим осмыслением сущности «нэповской модели», ее воздействия на социально-экономические процессы, происходившие в советской России. Остается актуальной задача изучения динамики нэпа и ее проявлений на различных этапах реализации, реакции властей на изменение экономической конъюнктуры и воздействие волевых действий на поведение различных социальных групп и индивидов. Необходимо продолжить изучение явлений нэпа на региональном уровне, что значительно расширяет исследовательскую базу и позволяет более глубоко осмыслить причины и последствия экономико-социальных явлений на общероссийском уровне. При этом требуется повышение качества региональных научных исследований, обратив внимание в первую очередь на их теоретико-методологическую сторону. В кандидатских диссертациях и статьях на региональную тему еще имеются работы, значительная доля содержания которых составляет бессистемный перечень примеров агрессивных действий властей в хлебозаготовках и коллективизации без достаточного теоретического обобщения. Еще одним существенным недостатком, по нашему мнению, является недостаточное акцентирование внимания на выявлении наиболее типичных, то есть взаимосвязанных явлений одного порядка, характерных для данного региона. Именно они детерминируют региональную специфику, составляя сущность региональных исследований. Отсутствие чет-

---

¹⁰ Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области, 1928–1934. Воронеж, 1995. 148 с.; Никулин В.В. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Центральном Черноземье, 1921–1929 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 1998. 473 с.; Бахтин В.В. Частное предпринимательство в Воронежской губернии в годы нэпа: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2002. 363 с.; Фарберова О.Е. История кооперативного движения в Центральном Черноземье: октябрь 1917–1934 г.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 188 с.

кого предмета исследования не позволяет прийти к обобщениям и сказывается на доказательной аргументированности авторских выводов. Одновременно отметим, что региональные исследования – это неотъемлемая и существенная часть общего исследовательского процесса, они значительно увеличивают научный потенциал, способствуют формированию новых направлений в изучении нэпа как исторического явления.

Начиная с середины 1990-х гг. в отечественной историографии нэпа выделились и продолжают развиваться несколько специфических исследовательских направлений. Одним из таких направлений является рассмотрение роли частного предпринимательства в экономической модели нэпа на фоне общеэкономической ситуации. Исследователи анализируют социально-экономические условия хозяйственной деятельности частного в различных сферах экономики [13], формы и методы его работы, роль и место частного предпринимательства в экономике страны и отдельных регионов [14], экономической конъюнктуре¹¹.

В качестве самостоятельного направления сформировалась проблематика развития кооперативного движения, которому предназначалась роль экономической альтернативы частнику на рынке, а в идеологическом плане как основного элемента борьбы социализма против капитализма. Ученые анализируют хозяйственную, общественно-политическую сферы деятельности кооперации [15–17], выявляются негативные аспекты такого участия, когда кооперативы (лжекооперативы) камуфлировали частнопредпринимательскую

деятельность¹². В данном направлении имеется достаточный диапазон перспективных для исследователей проблем, в частности, следует обратить внимание на уточнение роли кооперации в экономике, характера и масштабов ее деятельности, в какой степени государственная опека содействовала или мешала стать кооперации альтернативой частнику. Интересна проблема использования частным капиталом кооперации в своих интересах и противодействия государства этим попыткам.

Активно востребованной остается тема частного торгового предпринимательства. Основной ракурс исследований сосредоточен вокруг вопросов становления и эволюции торгового предпринимательства в 1920-е гг., его взаимоотношения с государственными структурами. Исследователи обращают внимание на то, что в данном сегменте нэповской экономики наблюдалось наибольшее количество правонарушений, и он был объектом особо тщательного контроля со стороны государства. Одновременно это была та область экономики, в которой могла себя проявить наиболее экономически активная часть населения. Широко представлена тематика и в региональном аспекте [18–21]. Тем не менее, открытыми остаются проблемы динамики частного предпринимательства, последствий для экономики зигзагов государственной политики в отношении частника, испытывавшего административное давление со стороны государства. Сформировалась и основная идея – лозунг «Свобода торговли», провозглашенный в качестве одной из основ нэпа, подвергался постоянным коррекциям, причиной которых во многом были идеологические стереотипы, и в конечном итоге так и не был реализован в полном экономическом смысле. Между тем частная тор-

¹¹ Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы, 1921–1928 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 365 с.; Белов С.Б. Проблемы функционирования частного капитала в период нэпа: к методологии вопроса: возможности социологического подхода // Факторы становления социального облика молодого российского предпринимателя: материалы Междунар. науч.-метод. конф. Н. Новгород, 1995. С. 294–298; Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М.: АИРО-XXI, 2013. 303 с.

¹² Иванов А.В. Российская кооперация в первой четверти XX века: по материалам Сибирского и Дальневосточного регионов): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 518 с.; Кочкарова З.Р. Эволюция отечественной кооперации и ее социально-экономическая трансформация в условиях модернизации российского общества: на материалах Дона, Кубани и Ставрополья: дис. ... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2011. 520 с.

говля была тем хозяйственным инструментом, с помощью которого минимизировались негативные последствия принимаемых решений, приводивших в период нэпа к регулярным «трудностям». Перспективны с исследовательской и с познавательной точек зрения судьба бывших нэпманов, какое место они нашли в советском обществе, как советская торговля заменила частника и в какой степени этот процесс проходил эволюционно или обеспечивался внеэкономическим вмешательством государства, последствия удаления частной торговли из экономической жизни.

Отчетливо обозначалась конфигурация еще одной частной области исследований – специфика хлебозаготовительных кампаний 1920-х гг. и участие частника в торговле хлебом, его роль в снабжении населения продовольствием [22; 23]. Состояние хлебного рынка и роль частной торговли хлебом во многом определяли отношение государства к частнику и мотивировали конкретные действия властей в отношении в целом к частному сектору экономики. В данной категории работ еще незначительное количество исследований, и они носят в основном региональный характер [24; 25]. Проблема рассматривается в основном в контексте изучения хлебного рынка и хода хлебозаготовительных кампаний в различных регионах. Ощущается потребность в работах, в которых бы системному анализу были подвергнуты государственные регулятивные меры в отношении частной торговли хлебом и значение частной торговли хлебом для снабжения населения продовольствием, особенно в кризисные периоды.

Значительным количеством профессиональных работ представлена и социальная история, предметом изучения которой является положение индивида, например, частника в нэповском социуме. Социальные сюжеты известны и советской историографии, но в постсоветский период ракурсы исследований значительно трансформировались. Советская трактовка исходила исключительно из наличия жесткой борьбы социалистических элементов против капиталистических в период нэпа, и именно данный фактор определял

поведение и положение различных социальных групп. Данная трактовка в современных условиях потеряла всякий научный смысл. Сейчас социальная история рассматривается с новой методологической позиции – нэповское общество как отражение фактически существовавшей многоукладной экономики, уклады которой представляли собой различные по своим жизненным устремлениям и ценностям общественные группы. Внимание исследователей концентрируется на изучении сложной нэповской социальной структуры, которая складывалась под влиянием социально-экономических процессов, происходивших в нэповском обществе. Появившийся слой предпринимателей, так называемых «нэпманов», их образ жизни вызвал жесткое идеологическое противодействие со стороны государства, рассматривавшего данный социальный слой и его менталитет как угрозу складывающемуся советскому образу жизни, а в стратегическом плане как прямая опасность «капиталистического перерождения». Постепенно все больше траектория изучения социальных сюжетов нэповской истории переключается на изучение повседневного поведения, уклада жизни и общественного менталитета нэповских социальных групп¹³, в частности тех же самых «нэпманов» [26–29]. Новой сюжетной линией стали вопросы снабжения [30], питания и потребления населения. При всей достаточно высокой интенсивности исследований в данной сфере остается еще немало вопросов и проблем, требующих дальнейшего научного осмысления. В целом эту группу вопросов можно определить как проблему адаптивного поведения различных социальных групп в нэповской среде, в том числе и формы приспособления и противодействия различных социальных групп экономическому и идеологическому воздействию на них государства.

---

¹³ Жуков Ю.Н. *Оборотная сторона нэпа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 годы.* М., 2019. 384 с.; Смирнова Т.М. «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества: 1917–1936 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 300 с.

С 2000-х гг. проблематика нэпа активно рассматривается и в историко-правом измерении. В нашем случае нас интересуют проблематика не сугубо правовая, содержанием которой является правовой анализ нормативных актов периода нэпа, а работы, в которых анализируется процесс юридического обеспечения политических, экономических мероприятий, проводимых в 1920-е гг., заключающийся не только в их законодательном обеспечении, но и в прямом участии юридических органов в проведении государственных акций. Такого рода работы соразмерны с классическими историческими исследованиями, поскольку рассматривают тот же исторический процесс только с точки зрения влияния правового фактора на ход тех или иных явлений. В этом контексте справедливо утверждение, что «история любого государства, разных народов складывается из множества форм, проявлений, обстоятельств, но стержневой нитью исторического многообразия всегда остается характер и формы взаимоотношений власти и народа. И атрибутивной чертой взаимодействия указанных двух сил любой социальной реальности оказывается отношение к закону. Его почитание и соблюдение, равнодушие и дистанцирование от него, полное игнорирование и открытое презрение – такие позиции могут определять, в конечном счете, и формы гражданской активности как отдельной личности, так и социальной группы» [31].

Понятно, что главными институтами, которые определяли жизнь советского общества, были партийно-государственный аппарат и господствующая идеология. Тем не менее, правовые средства являлись одним из элементов системы управления обществом, в значительной степени влияли на социальный климат и поведение социальных групп. К тому же органы юстиции проявляли определенную инициативность в принятии решений, направленных на регулирование тех или иных явлений, происходивших в нэповской системе. Юридическая сторона нэповской действительно становится реальным элементом историографии нэпа [32–36], что свиде-

тельствует о формировании в исследовательской среде понимания того факта, что изучение юридического аспекта нэпа в значительной степени способствует объективной реконструкции исторического процесса¹⁴.

В настоящее время мы можем констатировать формирование в историко-правой историографии доминирующих позиций о роли правового фактора в системе нэпа, которые сводятся к ряду практических обобщений. Многоукладность нэповской экономики вызвала необходимость правового регулирования разнообразных форм хозяйствования от государственных до частных, которая была законодательно закреплена в комплексе законодательных актов. Созданная в период нэпа правовая система в целом обеспечивала функционирование нэповской смешанной экономической системы. Концепция социалистической законности, провозглашенная правовой основой нэпа, не представляла собой целостную правовую конструкцию, она была ограничена строгими идеологическими идеологемами, была подвержена сильному воздействию со стороны партийно-государственного аппарата, что создавало немалые проблемы для функционирования всей экономической системы нэпа. В этом аспекте историографии нэпа требуется дальнейшее уточнение и детализация правоприменительной практики в отношении различных социальных слоев. Необходимо продолжить на основе современного источникового базиса изучение роли и значения правового фактора в конструировании практической модели нэпа в целом и в частности в правовой материализации политического курса в отношении частного капитала.

Необходимо подчеркнуть, что в общем процессе изучения нэпа на основе междисциплинарного подхода ощущается наличие достаточно существенных методологических проблем. Главным затруднением является диссонанс в междисциплинарных исследова-

¹⁴ Олейник Н.Н. Правовое регулирование частного промышленного предпринимательства в годы нэпа (1921–1930) // История государства и права. 2001. № 5. С. 29–33.

ниях, что ведет к снижению исследовательского потенциала. Понятно, что у каждой науки есть свой предмет и метод. Но, тем не менее, объединение усилий в направлении более активного использования исследовательских результатов друг друга необходимо и целесообразно. Оптимальным исследовательским методом может служить междисциплинарный подход, в основе которого лежит использование результатов исследований смежных наук. Например, в исторических исследованиях, используя общепринятую историческую методологию, с другой – историко-правовую, что позволяет рассматривать конкретные социально-экономические события и политических решения на фоне их правового обеспечения, регулятивного воздействия на реализацию политико-экономической линии, что позволяет выявлять их причинно-следственную связь и их адекватность реальным условиям, степень их влияния на субъекты экономической деятельности. При использовании междисциплинарного методологического подхода, на наш взгляд, соразмерно повышается научная объективность исследований.

ВЫВОДЫ

Историография нэпа обширна как по тематическому разнообразию, так и степени изученности проблем, но процесс изучения

продолжается, нэповская тематика далеко не исчерпана и остается привлекательной для исследователей, поскольку сама новая экономическая политика и сам период 1920-х гг. содержат массу проявлений и оттенков, своеобразных и нестандартных событий, не имевших аналогов в советской истории. Исследовательский процесс становится методологически многоплановым, по источникам более многомерным, по содержанию междисциплинарным.

Результатом современного историографического процесса можно считать формирование более реальной позиции в оценке исторической модели нэпа со всеми ее элементами. Положительным результатом можно считать и увеличение региональных исследований. Это закономерно и обоснованно, поскольку изучение региональных аспектов нэпа позволяет изучить частности и особенности реализации нэпа в разных регионах, имевшие порой весьма заметные отличия. Позитивным результатом можно считать и расширение междисциплинарных исследований, что позволяет выявить симптоматичные явления и события, характеризующие новую экономическую политику с различных сторон – экономики, права, идеологии, социологии, что, в конечном итоге, позволяет актуализировать научно-исследовательский потенциал.

Список источников

1. *Дмитренко В.П.* Четыре измерения нэпа // Вопросы истории КПСС. 1991. № 3. С. 125-138.
2. *Гимпельсон Е.Г.* Нэп. Новая экономическая политика Ленина – Сталина: проблемы и уроки (20 гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с. <https://elibrary.ru/qovzfn>
3. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 756 с.
4. *Павлюченков С.А., Аманжолова Д.А., Булдаков В.П., Ватлин А.Ю., Кулешов С.В., Орлов И.Б., Осокина Е.А., Телицын В.Л.* Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. 468 с. <https://elibrary.ru/ufhead>
5. *Шишкин В.А.* Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 399 с. <https://elibrary.ru/yqdxzd>
6. *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 244 с. <https://elibrary.ru/qposrj>
7. *Петришина И.Д.* Крестьянское хозяйство Черноземного центра в годы новой экономической политики, 1921–1929 гг. М.: Пробел–2000, 2023. 288 с. <https://elibrary.ru/edkvpv>
8. *Есиков С.А., Протасов Л.Г.* «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.

9. Есиков С.А., Канищев В.В. «Антоновский нэп» (организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60-72.
10. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг.: «Антоновщина»: документы и материалы / сост. В. Данилов, С. Есиков, Н. Тархова и др. Тамбов, 1994. 332 с.
11. Ельчанинов П.М. Социальные деформации советской провинции в период новой экономической политики в 1920–1928 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний). М.: Русайнс, 2022. 224 с.
12. Безгин В.Б. Крестьянство Центрального Черноземья в 1920-е годы: традиции и новации. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 252 с. <https://elibrary.ru/tncsll>
13. Давыдов А.Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб.: Евразия, 2021. 320 с. <https://elibrary.ru/kskoph>
14. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. 239 с. <https://elibrary.ru/swfxxx>
15. Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М.: Наука, 1996. 205 с.
16. Файн Л.Е. Нэповский «эксперимент» над российской кооперацией // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 35-55.
17. Давыдов А.Ю. Кооператоры советского города в годы нэпа: между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб.: Алетейя, 2011. 216 с. <https://elibrary.ru/sdsnjx>
18. Килин А.П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с. <https://elibrary.ru/bsavtt>
19. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 328 с. <https://elibrary.ru/pzqzgh>
20. Твердюкова Е.Д. Persona non grata: частник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 4. С. 24-35. <https://elibrary.ru/rlycbj>
21. Бехтерева Л.Н. Торговля и предпринимательство Удмуртии в период новой экономической политики (1921–1929 гг.). Ижевск, 2008. 272 с. <https://elibrary.ru/qaouuz>
22. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Полит. энцикл., 2014. 349 с.
23. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН, 2010. 343 с. <https://elibrary.ru/uakymd>
24. Петришина И.Д. Государственная система хлебозаготовок и воронежское крестьянство в «год великого перелома» (1929) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 3. С. 99-103. <https://elibrary.ru/vonlpa>
25. Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Экспорт зерновых начала 30-х гг. XX века в контексте голода 1932–1933 гг. // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 105-120. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.307>, <https://elibrary.ru/xrvnlt>
26. Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. 159 с. <https://elibrary.ru/qrykar>
27. Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 30-42. <https://elibrary.ru/vepgwv>
28. Зотова А.В. Хозяева и «хозяйчики» в Петрограде-Ленинграде в годы нэпа: по материалам периодической печати 1920-х гг. СПб.: Полторак, 2010. 35 с. <https://elibrary.ru/uaqhlp>
29. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: в 2 ч. Ч. 2: Советское общество: культура, сознание, поведение / под общ. ред. Л.Н. Мазур. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 462 с. <https://elibrary.ru/yumxsx>
30. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 251 с.
31. Юридические формы переживания истории: практики и пределы / под ред. С.В. Бочкарева. СПб.: Астерион, 2020. 694 с. <https://elibrary.ru/ldzvud>
32. Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 383 с. <https://elibrary.ru/zgtqhv>
33. Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М.: Кучково поле, 2007. 525 с. <https://elibrary.ru/qqmslb>

34. Никулин В.В. От революционной целесообразности к революционной законности. Сущность и специфика эволюции советского права в 1920-е годы. М.: Юрид. дом «Юстицинформ», 2021. 328 с. <https://elibrary.ru/foikos>
35. Борисова Л.В. НЭП в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. № 1. С. 84-97. <https://elibrary.ru/huirar>
36. Окунева М.О. Классовый подход в советском праве (1917–1927) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 5. С. 74-82. <https://elibrary.ru/ymovyb>

References

1. Dmitrenko V.P. (1991). The four dimensions of the New Economic Policy. *Voprosy istorii KPSS*, no. 3, pp. 125-138. (In Russ.)
2. Gimpel'son E.G. (2004). *The New Economic Policy of Lenin – Stalin: Problems and Lessons (the 20s of the 20th Century)*. Moscow, Sobranie Publ., 303 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qovzfn>
3. Buldakov V.P. (2012). *Utopia, Aggression, Power: The Psychosocial Dynamics of the Postrevolutionary Period, Russia, 1920–1930*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 756 p. (In Russ.)
4. Pavlyuchenkov S.A., Amanzholova D.A., Buldakov V.P., Vatlin A.Yu., Kuleshov S.V., Orlov I.B., Osokina E.A., Telitsyn V.L. (2002). *The New Economic Policy Russia*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 468 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ufhead>
5. Shishkin V.A. (1997). *Power. Policy. Economy: Postrevolutionary Russia (1917–1928)*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 399 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqdxzd>
6. Esikov S.A. (2010). *The Russian Village during the New Economic Policy Years. On the Issue of Alternatives to Stalin's Collectivization (Based on the Materials of the Central Chernozem Region)*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 244 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qposrj>
7. Petrishina I.D. (2023). *The Peasant Economy of the Chernozem Center during the Years of the New Economic Policy, 1921–1929*. Moscow, Probel–2000 Publ., 288 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/edkvpv>
8. Esikov S.A., Protasov L.G. (1992). Tambov Rebellion: new approaches. *Voprosy istorii*, no. 6-7, pp. 47-57. (In Russ.)
9. Esikov S.A., Kanishchev V.V. (1993). “Tambov Rebellion New Economic Policy” (organization and activity of the “Union of the Labour Peasantry” of the Tambov Governorate in 1920–1921). *Otechestvennaya Istoriya*, no. 4, pp. 60-72. (In Russ.)
10. Danilov V., Esikov S., Tarkhova N. et al. (compilers). (1994). *Peasant Rebellion in Tambov Governorate in 1919–1921: “Tambov Rebellion”: Documents and Materials*. Tambov, 332 p. (In Russ.)
11. El'chaninov P.M. (2022). *Social Deformations of the Soviet Province during the New Economic Policy in 1920–1928 (Based on Materials from Kursk and Voronezh Governorates)*. Moscow, Ru-science Publ., 224 p. (In Russ.)
12. Bezgin V.B. (2011). *The Peasantry of the Central Chernozem Region in the 1920s: Traditions and Innovations*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 252 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tncsll>
13. Davydov A.Yu. (2021). *The New Economic Policy. Government, People, and Economy in Postrevolutionary Russia*. St. Petersburg, Evraziya Publ., 320 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kskoph>
14. Demchik E.V. (1998). *Private Equity in Siberian Cities in the 1920s: From Revival to Liquidation*. Barnaul, Altai State University Publ., 239 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/swfxxx>
15. Kabanov V.V. (1996). *Cooperation, Revolution, Socialism*. Moscow, Nauka Publ., 205 p. (In Russ.)
16. Fain L.E. (2001). The New Economic Policy “Experiment” on Russian Cooperation. *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 35-55. (In Russ.)
17. Davydov A.Yu. (2011). *The Cooperators of the Soviet City during the New Economic Policy Years: Between “War Communism” and Socialist Reconstruction*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 216 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sdsnjx>
18. Kilin A.P. (2018). *Private Trade and Credit in the Ural during the New Economic Policy Years: Economic, Political and Social Aspects*. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 606 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bsavtt>

19. Tverdyukova E.D. (2011). *State Regulation of Trade in the USSR (Late 1920s – Mid-1950s): Historical and Legal Analysis*. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 328 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pzqzgh>
20. Tverdyukova E.D. (2010). Persona non grata: private trader in the Soviet trade on boundary of 1920–1930s years. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 4, no. 4, pp. 24-35. (In Russ.) <https://elibrary.ru/rlycbj>
21. Bekhtereva L.N. (2008). *Trade and Entrepreneurship in Udmurtia during the New Economic Policy (1921–1929)*. Izhevsk, 272 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qtaouz>
22. Kondrashin V.V. (2014). *Grain Procurement Policy during the First Five-Year Plan and its Results (1929–1933)*. Moscow, Publishing House “Political Encyclopedia”, 349 p. (In Russ.)
23. Il’inykh V.A. (2010). *Chronography of the Grain Front (Procurement Campaigns of the Late 1920s in Siberia)*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 343 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uakymd>
24. Petrishina I.D. (2020). State system of grain collection and Voronezh peasantry in “Year of the Great Turning Point” (1929). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, no. 3, pp. 99-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vonlpa>
25. Nazarenko N.N., Bashkin A.V. (2016). Cereal crops export in early 1930s in the context of the famine of 1932–1933. *Noveishaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*, no. 3 (17), pp. 105-120. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2016.307>, <https://elibrary.ru/xrvnlt>
26. Orlov I.B., Pakhomov S.A. (2007). “Dressed up Capitalists” at the New Economic Policy Celebration of Life. Moscow, Sobranie Publ., 159 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qrykar>
27. Lebina N.B. (1994). The shadow sides of Soviet city life in the 20s and 30s. *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 30-42. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vepgwv>
28. Zotova A.V. (2010). *Proprietor and “Small Proprietors” in Petrograd-Leningrad during the New Economic Policy Years: Based on the Materials of the Periodical Press of the 1920s*. St. Petersburg, Poltorak Co. Ltd., 35 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uaqhlp>
29. Mazur L.N. (gen. ed.). (2019). *Early Soviet Society as a Social Project, 1917–1930s: in 2 pts. Pt 2. Soviet Society: Culture, Consciousness, Behaviour*. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural Federal University, 462 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yumxsx>
30. Osokina E.A. (2008). *Behind the Facade of “Stalin’s Abundance”: Distribution and Market in the Supply of the Population during the Industrialization Years. 1927–1941*. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya Publ., 251 p. (In Russ.)
31. Bochkarev S.V. (ed.). (2020). *Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits*. St. Petersburg, Asterion Publ., 694 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ldzvud>
32. Kudryavtsev V.N., Trusov A.I. (2002). *Political Justice in the USSR*. St. Petersburg, Publishing House “Juridichesky Center–Press”, 383 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zgtqhv>
33. Epikhin A.Yu., Mozokhin O.B. (2007). *All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution, Sabotage, and Speculation – Joint State Political Directorate in the fight against corruption during the New Economic Policy years (1921–1928)*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 525 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qqmslb>
34. Nikulin V.V. (2021). *From Revolutionary Expediency to Revolutionary Legality. The Essence and Specifics of the Evolution of Soviet Law in the 1920s*. Moscow, Yuridicheskiy Dom “Yustitsinform”, 328 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/oiikos>
35. Borisova L.V. (2006). The NEP as mirrored by the show-off trials on bribes and economic crimes. *Otechestvennaya Istoriya*, no. 1, pp. 84-97. (In Russ.) <https://elibrary.ru/huirar>
36. Okuneva M.O. (2017). Class approach in Soviet law (1917–1927). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, no. 5, pp. 74-82. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ymovyb>

Информация об авторе

Никулин Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация.

<https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>

viktor.nikulin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2024

Одобрена после рецензирования 22.07.2024

Принята к публикации 12.09.2024

Information about the author

Viktor V. Nikulin, Dr. Sci. (History), Professor, Professor of “Constitutional and Administrative Law” Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation.

<https://orcid.org/0000-0003-1507-0434>

viktor.nikulin@mail.ru

Received 16.04.2024

Approved 22.07.2024

Accepted 12.09.2024